

ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ.

КАЛЕВАЛА.

Финская народная эпопея.

Полный стихотворный переводъ, съ предисловіемъ и
примѣчаніями

Л. П. Бѣльскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. А. Леведева, Невскій просп., д. № 8.

1888.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 9 декабря 1887 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Калевала“ есть финская народная эпопея, состоящая, какъ эпопея Гомера, изъ отдѣльныхъ рунъ или пѣсенъ, связанныхъ между собою единствомъ мѣста и дѣятельностью героевъ.

Она давно уже обратила на себя вниманіе изслѣдователей народнаго эпоса и мифологіи, представляя собою переходную ступень народнаго эпоса между болѣе древнимъ, когда предметомъ пѣснопѣнія служатъ только боги стихій, — какова, напр., греческая Теогонія — и позднѣйшимъ, эпосомъ героическимъ, въ которомъ съ трудомъ раскрываются древнѣйшія черты поэзіи о богахъ и стихіяхъ — каковы, напр., русскія былины. Финскій эпосъ — поэзія стихій, тѣсно связанная съ поэзіей героической и бытовой. Онъ имѣетъ то неоцѣнимое достоинство, что раскрываетъ подробно связь между героями и порождающими ихъ стихійными силами. „Калевала“ по большей части не очеловѣчиваетъ вполне стихійныхъ силъ, какъ дѣлаетъ это поэзія греческая, надѣляющая стихійныя божества человѣческой нравственностью, но даетъ имъ только человѣческій видъ, оставляя въ нихъ ихъ стихійныя силы, чуждыя человѣческой нравственности. Нравственные божества стоятъ отдѣльно отъ стихійныхъ: такъ Хисси исключительно богъ зла, не приурочиваемый ни къ какой стихіи, Ильматаръ — мать воды — исключительно стихійная сила, не вѣдающая ни зла, ни добра, только ея сынъ есть уже стихія очеловѣченная, одаренная и нравственными свойствами — это Вейнемейненъ;

есть герои чуждые стихийной силы, напр. Юкагайненъ. Таково значеніе „Калевалы“ въ ряду эпическихъ народныхъ произведеній, въ отношеніи мифическаго міросозерцанія народовъ.

Другое высокое значеніе „Калевала“ имѣеть по ея взгляду на пѣсню и музыку. Взглядъ этотъ носить на себѣ слѣды глубокой древности, слѣды жизни, полной своеобразной, суетвѣрной таинственности. „Калевала“ допускаеть одно пѣніе, это— заклинательныя пѣсни, заговоры; прочія пѣсни, по мнѣнію ея героевъ,—только женская забава; поэтому придаетъ великое значеніе человѣческому слову. могущему по произволу созидать и разрушать своими звуками и заключающеюся въ нихъ мыслью. Отсюда вытекаетъ взглядъ на человѣка, какъ на могучаго владыку природы. Это тѣмъ болѣе странно, что финская природа, величественная и непокорная, должна бы, наоборотъ, низвести человѣка на степень ничтожнаго, безсильнаго существа, во мнѣніи финна, который менѣе чѣмъ кто-либо имѣеть возможность бороться съ грозными явленіями своей родины. Но, можетъ быть, именно это-то постоянное чувство своего ничтожества и создало тѣ несбыточныя мечтанія, ту безграничную игру фантазіи, гдѣ финнъ рисуетъ своихъ героевъ владыками природы, какъ бѣдный сынъ пустыни строить въ своей фантазіи поражающіе роскошью дворцы. По воззрѣніямъ „Калевалы“, всемогущество заключается въ познаніи сущности вещей, т. е. ихъ происхожденія и бытія. Вѣщій человѣкъ, одаренный такими познаніями, своимъ словомъ, заговоромъ и заклинаніемъ можетъ творить чудеса; со всякой вещью онъ можетъ дѣлать все, что ему угодно, если только знаетъ ея происхожденіе: онъ останавливаетъ кровь, вытекающую изъ раны, нанесенной желѣзомъ, рассказывая о происхожденіи желѣза; излѣчиваетъ укушеніе змѣи разговоромъ о происхожденіи змѣи; герои „Калевалы“ своимъ заклинательнымъ пѣніемъ создаютъ лѣса, озера, скалы, превращаются сами въ различныхъ животныхъ и превращаютъ другихъ; такъ герой превращаетъ насмѣшливую дѣвушку въ

цаплю, колдунья оборачивается ястребомъ, вѣщій Вейнемейненъ оборачивается змѣей и щукой, превращаетъ лошадь въ скалу, рукавицы въ цвѣты и т. п. Но человѣкъ „Калевалы“, владыка природы и людей, не можетъ управлять стихійными божественными силами и обращается къ нимъ съ молитвою, какъ къ божествамъ.

Не только слову пѣсни придаетъ финская эпопея такое великое значеніе, но и самой мелодіи ея, самой музыкѣ. Могучій заклинатель Вейнемейненъ былъ и изобрѣтателемъ перваго музыкальнаго инструмента — кантеле. Кантеле играетъ въ „Калевалѣ“ роль неопѣннаго сокровища, добыть которое стремятся многіе, но никто не можетъ имъ управлять, кромѣ Вейнемейнена. Звуки кантеле не менѣе могущественны, чѣмъ мелодіи Орфея. Послушать кантеле сходятся звѣри, рыбы и русалки. Высокой, нѣжной поэзіей проникнуты руны „Калевалы“, пзображающія игру Вейнемейнена на кантеле. Таковъ взглядъ финской эпопеи на слово и музыку.

Перейдемъ къ краткимъ свѣдѣніямъ по финской мифологіи и космогоніи, необходимымъ для читателя „Калевалы“.

Міръ и стихіи представляются тѣлами, въ которыхъ различаются двѣ части: матерія и сила. Сила эта проникаетъ всю матерію и неразрывно съ нею связывается. Но сама сила олицетворяется, представляется въ человѣческой формѣ. Каждая сила имѣетъ въ себѣ свои частныя силы, которыя олицетворяются, въ свою очередь, по большей части, въ образѣ дѣвъ и дочерей. Такъ, сила воздуха имѣетъ свои частныя силы: дѣвъ воздуха, дочерей воздуха; творческая сила имѣетъ дѣву творенья или дочь творенья; есть дѣвы солнца, мѣсяца, воды и т. д.

Творецъ всего міра есть Юмала; подъ Юмалой разумѣется зиждательная и правящая міровая сила. За нимъ слѣдуетъ Укко — творецъ всего видимаго. Онъ есть сила видимаго неба, тверди, воздуха; нравственное его свойство — добро. Воздухъ порождаетъ дочь Ильматаръ, которая, въ свою очередь, дѣ-

ляется матерью воды. Воздухъ же порождаетъ утку, начало твердыхъ существъ; изъ яицъ утки образуется суша и небесныя свѣтила. На сушѣ мать воды образуетъ скалы, берега, рифы, т. е. вода была причиною возникновенія различныхъ видовъ суши.

Когда образовалась вода, свѣтила и части суши, но не было еще растеній, мать воды, зачавъ отъ вѣтра, рождаетъ перваго героя, вѣщаго старца Вейнемейнена (Вейнемейненъ или Вейно—отъ vaino == страстное желаніе). Такъ этотъ первый человѣкъ и герой происходитъ отъ сочетанія воды и воздуха, но рождается съ человѣческими нравственными свойствами.

Вейнемейненъ творитъ на землѣ растенія при помощи Укко. У него есть братъ Ильмариненъ, сынъ воздуха. Ильмариненъ—вѣщій кузнецъ, повелитель вѣтровъ. Такъ небесная стихія проявилась на землѣ въ двухъ своихъ частяхъ: жидкая часть, влага, дала Вейнемейнена, газообразная, воздухъ—Ильмаринена. Послѣ воды, создавъ второй ея братъ—огонь, а за нимъ младшій братъ—жельзо, происшедшее изъ молока дѣвъ воздуха. Таковы произведенія добрыхъ небесныхъ силъ.—Злое начало является въ „Калевалѣ“, въ видѣ коварнаго божества зла Хіиси, имѣющаго свое царство на землѣ, владѣющаго лебедемъ, лосемъ и огромною рыбою. Противъ его козней борются герои „Калевалы“, призывая на помощь добраго Юмалу и Укко. Баба-яга „Калевалы“—злая Лоухи—не есть однако непосредственное порожденіе Хіиси. Она порожденіе холода (Протаг—дочь снѣговъ). Лоухи живетъ въ вѣчно мрачной странѣ Похьолъ, на крайнемъ сѣверѣ, за холоднымъ моремъ, и повелѣваетъ морозами и снѣгами. Лоухи и ея мрачный народъ враждуютъ съ порожденіемъ добрыхъ началъ—свѣтлыми героями „Калевалы“. Лоухи-же помогаетъ рожденію на свѣтъ болѣзней, на гибель всѣмъ людямъ. Ихъ родила слѣпая дочь царя мертвыхъ, въ видѣ девяти сыновей (старшій—колотья, второй—чахотка, послѣдній—зависть). Лоухи похищаетъ солнце и мѣсяцъ въ свѣтлой странѣ Калевалѣ и заключаетъ

ихъ въ пещеру, губить скоть въ Калевалѣ, такъ что всѣ бѣды порождаются для сѣверныхъ людей чрезъ посредство злой колдуньи, дочери снѣговъ. Лоухи—суровая сѣверная зима. Финнъ, житель крайняго сѣвера, зимой не видитъ по цѣлымъ мѣсяцамъ солнца, заболѣваетъ разными болѣзнями, теряетъ скоть во время ужасной стужи, и все это для него дѣла зимы—Лоухи.

„Калевала“ имѣетъ свой адъ—подземный островъ Туонелу, царство мертвыхъ, съ царемъ Туони, его женой, его дочерью Туонетаръ, съ адскимъ лебедемъ, медвѣдемъ и щукою. Въ адъ переправляются чрезъ рѣку Туони. Адская пища — пиво, кишачее лягушками и змѣями. Противоположность аду, Туонелъ, составляетъ обитель Юмалы, находящаяся въ надзвѣздной области: тамъ въ драгоценныхъ сосудахъ готовятся цѣлебныя мази для оживленія убитыхъ и исцѣленія ранъ.

Мѣсто дѣйствія „Калевалы“ — область того-же имени, свѣтлая Калевала, и Похьола—мрачная страна сѣвера. Калевала (страна Калевы) населена добрыми потомками Калевы, или Осмо, отца героя. Роль старшаго героя принадлежит Вейнемейнену; онъ благодѣтель своей родины, назначеніе его—творить добрыя дѣла; и какъ только онъ въ первый разъ постановляетъ жестокое рѣшеніе, совѣсть его заставляетъ покинуть свою родину,—этимъ и кончается собственно эпопея. Обитатели вѣчно мрачной Похьолы завидуютъ благосостоянію жителей Калевалы, богато засѣянной деревьями и травами и освѣщаемой круглый годъ солнцемъ. Младшій изъ героев Калевалы, веселый Лемминкейненъ, ведетъ постоянную войну съ жителями Похьолы. Лемминкейненъ—типъ младшаго брата русскихъ сказокъ, съ одной стороны, а съ другой, онъ близокъ съ Чурилой и Алешей Поповичемъ, какъ опасный соблазнитель женщинъ.

Обитатели Калевалы не входили-бы въ сношенія съ жителями Похьолы, если-бы имъ не приходилось ѣздить туда свататься къ дочери Лоухи. Это сватовство и есть связующая

нить всей эпопей. Самъ Вейнемейненъ ѣдетъ свататься въ Похьолу, но за свою дочь Лоухи требуетъ отъ него второе сокровище эпопей — Сампо, мельницу-самомолку, которую выковываетъ съ большимъ трудомъ Ильмариненъ. Въ представленіи Сампо, какъ сокровища, сказалась бытовая черта финскаго народа, бѣднаго хлѣбомъ. На крайнемъ сѣверѣ хлѣбъ особенно драгоцѣненъ; поэтому хлѣбъ въ Калевалѣ дороже золота и серебра. Степени потребностей финна высказываются въ спорѣ Вейнемейнена съ лапландцемъ Юкагайненомъ, который, желая откупиться, предлагаетъ старцу одно за другимъ: лукъ, лодку, коня, золото, хлѣбъ и, наконецъ, свою сестру. Въ этомъ порядкѣ хлѣбъ занимаетъ мѣсто, по важности уступающее только семьѣ.

Бытовые черты даже въ подробностяхъ встрѣчаются въ эпопее: здѣсь читатель встрѣтитъ финскую жизнь, положеніе женщины, семейныя отношенія, обычаи, одежду финновъ, ихъ обстановку. Укажемъ нѣсколько такихъ чертъ: хозяйство у финна „Калевалы“ — подсѣчное; женщина-мать — представительница домашняго очага; молодая женщина — работница въ домѣ; женскій головной уборъ — повязка, спускающаяся на лобъ съ привѣшенными у висковъ подвѣсками; дѣвица ходитъ съ выпущенной косой, замужняя должна закрывать волосы. Изъ суевѣрныхъ обрядовъ упоминаются гаданія по мозгамъ птицъ и по ольховымъ колышкамъ. Въ „Калевалѣ“ сказалась вся бѣдность житейской обстановки сѣвернаго жителя. Герои эпопей, создающіе словомъ своимъ лѣса и горы, не могутъ ничего предложить своимъ женамъ, кромѣ вѣчной хозяйственной работы: стряпни, мытья, услугъ мужу и жалкаго развлечения — поглядѣть въ окошко или полакомиться медовыми лепешками. Въ „Калевалѣ“ встрѣчаются указанія на первобытную эпоху, напр. на происхожденіе домашняго огня отъ молніи. Огонь еще не умѣли добывать и должны были постоянно поддерживать его на очагѣ.

Вообще въ „Калевалѣ“ много сказочныхъ чертъ, общихъ со

сказочной поэзіей другихъ народовъ; здѣсь и частоколь, на каждомъ колѣ котораго надѣто по человѣческому черепу, и оживленіе мертвой и живой водой, и огненные водопады, и поля, усѣянные змѣями, и дороги, утыканныя иголками, мечами и топорами, и дитя, плавающее въ бочкѣ по морю, и орелъ, выносящій на себѣ богатыря, и т. д.

Иногда фантазія „Калевалы“ достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ; она, напримѣръ, изображаетъ быка столь огромнаго, что отъ одного конца хвоста до другого ласточка летитъ цѣлый день, и этого быка, убитаго карликомъ, жарятъ на свадьбу; или напр. у героя изъ одного пальца вытекаетъ семь лодокъ крови. Такое направленіе фантазіи, конечно, находится въ связи съ грандіозностью природы, среди которой живетъ финнъ. Бушующее море, со всѣхъ сторонъ его окружающее, нагроможденные повсюду скалы, поросшія вѣковыми лѣсами, весенніе потоки, бьющіе съ утесовъ водопадами. вѣчно кипящіе огромные водопады, дикое фантастическое завываніе зимнихъ буръ въ безчисленныхъ ущельяхъ—все это заставляеть фантазію финна расширять свой кругозоръ, и она, стремясь все дальше и дальше, переходитъ предѣлы возможнаго. Въ то-же время чудовищно созданное фантазіей смѣшивается съ житейской обстановкой бѣднаго финна; напр. Вейнемейненъ совершаетъ чудесное превращеніе лошади Юкагайнена въ скалу, дуги въ молнію, а Юкагайнень хочетъ откупиться отъ него простымъ лукомъ.

Въ заключеніе укажемъ нѣкоторыя особенности слога этого оригинальнаго эпоса: это—1) почти постоянное сопоставленіе синонимовъ въ двухъ рядомъ стоящихъ стихахъ; напр. въ одномъ стихѣ: дѣва, въ слѣдующемъ: дѣвица, дѣвушка; 2) синонимическое повтореніе стиха, напр.

Если ты вернешь заглятые,
Злой свой заговоръ воротнишь;

3) это стремленіе почти синонимически разнообразить два

рядомъ стоящіе стиха повлекло за собой странное смѣшеніе чиселъ: если въ первомъ стихѣ указывается какое-либо число предметовъ, то въ слѣдующемъ эти предметы, оставаясь въ томъ же числѣ, называются въ числѣ большемъ:

Шесть онъ зернышекъ находитъ,

Семь сѣмянъ онъ поднимаетъ;

или еще болѣе странное сопоставленіе:

На шестую ночь скончалась,

На осьмую умерла бы.

Въ переводѣ тщательно сохранены эти странности. — Первые свѣдѣнія о финской поэзіи проникли въ Европу еще въ концѣ XVII вѣка, въ изслѣдованіи нѣмецкаго языка Moghof'a, который помѣстилъ въ своемъ сочиненіи одну финскую пѣсню. Но до нынѣшняго столѣтія финская поэзія мало была извѣстна. Только со времени Я. Гримма ни одинъ изслѣдователь народной миѳологіи и эпоса не можетъ не обращать на нее вниманія. Въ сороковыхъ годахъ Ленротъ, изслѣдователь и знатокъ финской поэзіи, посвятилъ себя собиранію финскихъ поэмъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ въ Финляндіи и архангельской губерніи; результатомъ его трудовъ была выпущенная имъ въ 1849 году „Калевала“, въ 50 рунахъ или въ 22793 стихахъ. Тогда же „Калевала“ была переведена на шведскій языкъ Кастреномъ, на нѣмецкій Шиффнеромъ и появилась во французскомъ переводѣ Léouzon le Duc. На русскомъ языкѣ, до сихъ поръ, нѣтъ полнаго перевода „Калевалы“.

Небольшіе отрывки изъ нея даны были еще Я. К. Гротомъ въ „Современникѣ“ 1840 года. Въ восьмидесятыхъ годахъ появилось нѣсколько отдѣльно изданныхъ рунъ въ переводѣ г. Гельгрена. Этотъ переводъ представляетъ попытку передать финскую эпопею русскимъ народнымъ языкомъ. Но недостаточное знакомство съ русскою народною рѣчью дѣлаетъ переводъ этотъ не всегда удобочитаемымъ. Таковы, напр., слѣдующіе стихи:

«Ото ржи пошло желѣзо».

Здѣсь „ржи“ должно значить „ржавчины“; или:

«Такъ живучи опостыло» и т. п.

Что касается „Калевалы“ будто бы въ переводѣ Гранстрема, то намъ кажется страннымъ, почему авторъ выдалъ свой трудъ за переводъ; книга г. Гранстрема есть свободное изложеніе только нѣкоторой части „Калевалы“.

Мы предлагаемъ полный русскій переводъ финской эпопеи, сдѣланный трохаяческимъ размѣромъ, наиболѣе близкимъ къ силлабическому восьми - сложному размѣру подлинника.

Л. Бѣльскій.

Дорогому наставнику
Ф е д о р у И в а н о в и ч у
Буслаеву.

Когда изъ міра темныхъ силъ,
Изъ міра скуки и смятенья,
Скорбя душой, я уходилъ,
Ища отраднаго забвенья;

Когда сомнѣніемъ томимъ,
И рабъ бесплоднаго скитанья,
Хотѣлъ я чувствомъ жить инымъ
И жаждалъ свѣта и познанья—

Я шель туда, гдѣ ключъ живой
Народовъ мѹдрость источаетъ,
Гдѣ слово истины простой
Въ лучахъ поэзіи сіяетъ;

Туда, гдѣ тайный смыслъ временъ
Начертанъ древностью забытой:—
Тамъ, сѣдинами убѣленъ,
Стоитъ на стражѣ мужъ маститый.

Онъ предо мною раскрывалъ
Науки мудрыя скрижали,
Судьбу вѣковъ онъ мнѣ вѣщалъ,
Народовъ радость и печали.

Онъ свитки хартій вѣковыхъ
Держалъ десницею благою
И прелесть образовъ былыхъ
Онъ воскрешалъ передо мною.

Я шель къ нему. Онъ напаялъ
Меня изъ чаши просвѣщенья,
Во мнѣ будилъ онъ вдохновенье
И тихій трудъ благословлялъ.

20 сентября
1887 г.

Л. Бѣльскій.

КАЛЕВАЛА ¹⁾.

РУНА ПЕРВАЯ ²⁾.

Мнѣ пришло одно желанье,
Я одну задумалъ думу,
Чтобы къ пѣнью быть готовымъ,
Чтобъ начать скорѣе слово,
Чтобы спѣть мнѣ предковъ пѣсню,
Рода нашего напѣвы.
На устахъ слова ужъ таютъ,
Разливаются ужъ рѣчи,
На языкъ онѣ стремятся,
Разбиваются о зубы.

Золотой мой другъ и братецъ!
Дорогой товарищъ дѣтства!
Мы споемъ съ тобою вмѣстѣ,
Мы съ тобой промолвимъ слово.
Наконецъ мы увидались,
Съ двухъ сторонъ теперь сошлись;
Рѣдко мы бываемъ вмѣстѣ,
Рѣдко ходимъ мы другъ къ другу,
На пространствѣ этомъ бѣдномъ,
Въ краѣ Сѣвера убогомъ.

Такъ давай свои мнѣ руки,
Пальцы наши вмѣстѣ сложимъ;
Пѣсни славныя споемъ мы,
И начнемъ мы съ лучшихъ пѣсень;
Пусть друзья услышатъ пѣнье,

¹⁾ Страна Калевы, отца героевъ.

²⁾ Для отдѣльныхъ пѣсень мы сохраняемъ названіе рунъ, упроченное за пѣснями сѣверной поэзіи.

Пусть привѣтливо внимають
 Межь растущей молодежи,
 Въ возрастающемъ народѣ.
 И собралъ я эти рѣчи,
 Эти пѣсни, что держали
 И на чреслахъ Вейнемейненъ ¹⁾,
 И въ горнилѣ—Ильмариненъ ²⁾,
 И на стрѣлахъ—Юокагайненъ ³⁾,
 На мечѣ—Каукомъели ⁴⁾,
 Въ краѣ сѣверномъ лѣсистомъ,
 По песчаной Калевалѣ.

Ихъ пѣвалъ отецъ мой прежде,
 Топорище вырѣзая,
 Мать меня имъ научила,
 За своею прялкой сидя;
 На полу тогда ребенкомъ
 У колѣнъ ихъ я вертѣлся;
 Былъ я крошкой и питался
 Молокомъ и простоквашей.
 Пѣли мнѣ они о Сампо ⁵⁾,
 О заклатьяхъ хитрой Лоухи ⁶⁾,
 И старѣлось Сампо въ пѣсняхъ,
 И отъ чаръ погибла Лоухи,
 Съ пѣсней Випуненъ ⁷⁾ скончался,
 Въ играхъ умеръ Лемминкейненъ.
 Слово другихъ еще есть много
 И познавй, мнѣ извѣстныхъ,
 Что нарвалъ я на тропинкѣ,
 Что на верескѣ сломалъ я,
 Что съ кусточковъ отломилъ я,

¹⁾ Въщй старецъ, могучй заклинатель и пѣвецъ; изобрѣтатель музыкальнаго инструмента—каптеле. Иначе онъ называется Вейно.

²⁾ Въщй кузнецъ, братъ Вейнемейнена.

³⁾ Молодой лапландецъ, обладатель чудеснаго лука; неудачный соперникъ Вейнемейнена по пѣнію.

⁴⁾ Иначе Лемминкейненъ; воинственный и веселый герой «Калевалы». Называется также Ати и Кауко.

⁵⁾ Мельница-самоходка, сѣверное сокровище.

⁶⁾ Злая старуха, хозяйка мрачной Похьолы. Иначе Ильпотаръ—дочь снѣга.

⁷⁾ Огромный старый великанъ, сросшійся съ землею, пѣвецъ могучихъ заклинаний.

Что набралъ себѣ на вѣткахъ,
 Что собралъ себѣ я въ травахъ,
 Что я поднялъ на дорогѣ.
 Шель тогда я, пастушенокъ,
 Шель на пастбище я, мальчикъ,
 Гдѣ луга богаты медомъ,
 Гдѣ холмочки золотые;
 За Мурикки ¹⁾ шель я черной,
 Шель я вмѣстѣ съ пестрой Климмо.

Насказалъ морозъ мнѣ пѣсень,
 Наносилъ мнѣ пѣсень дождикъ,
 Мнѣ навѣялъ пѣсень вѣтеръ,
 Принесли морскія волны,
 Мнѣ слова сложили птицы,
 Рѣчи создали деревья.

Я въ одинъ клубокъ смоталъ ихъ,
 Ихъ въ одну связалъ я связку,
 Положилъ клубокъ на санки,
 Положилъ на сани связку,
 И домой привезъ на санкахъ,
 На саняхъ привезъ къ овину,
 И въ амбарѣ подъ стропила
 Въ мѣдномъ ларчикѣ ихъ спряталъ.

Долго пѣсни на морозѣ,
 Долго скрытыя лежали.
 Не убрать ли ихъ съ мороза?
 Пѣсень съ холоду не взять ли?
 Въ избу ларчикъ не принести ли,
 На скамью сундукъ поставить
 Подъ прекрасныя стропила,
 Подъ хорошей этой кровлей?
 Не открыть ли ларчикъ пѣсень,
 Сундучекъ, словами полный?
 За конецъ клубокъ не взять ли?
 Развязать ли узелъ связки?

Пѣсню славную спою я,
 Зазвучить она пріятно,
 Если пива поднесутъ мнѣ

¹⁾ Клички коровъ.

И дадутъ ржаного хлѣба.
 Если жъ мнѣ не будетъ пива,
 Не предложать молодого—
 Въ сухомятку пѣть я стану,
 Иль спую съ одной водою,
 Чтобы вечеръ былъ веселымъ,
 Чтобы день нашъ былъ украшень.
 И чтобъ утреннимъ весельемъ
 Завтра день у насъ начался.

Я бывало слышала рѣчи,
 Слышала, какъ стихи слагались:
 По одной идутъ къ намъ ночи,
 Свѣтять дни по одиночкѣ—
 Былъ одинъ и Вейнемейненъ,
 Этотъ вѣчный пѣснопѣвецъ;
 Дочь творенья, дѣва Каве ¹⁾,
 Мать была его родная.

Дочь прекрасная творенья,
 Та дочь воздуха, дѣвица,
 Проводила непорочно
 Все дѣвичьей жизни время
 Средь большой страны воздушной
 Въ растянувшихся равнинахъ.
 Жить въ дѣвицахъ было скучно,
 Стала жизнь ей тамъ противна:
 Проживать все одинокой,
 Постоянно жить въ дѣвицахъ
 Средь большой страны воздушной,
 Въ распростершихся пустыняхъ.

И спустилась внизъ дѣвица,
 Въ волны водъ она склонилась,
 На хребетъ прозрачный моря,
 На открытую равнину.
 Начала дуть свирѣпый вѣтеръ,
 Поднялась съ востока буря,

¹⁾ Иначе Ильматаръ—дочь воздуха, олицетвореніе одной изъ воздушныхъ силъ. Она же и дочь творенья (Луоннотаръ), олицетвореніе творческой силы, и мать моря—создательница воды.

Замутилось море пѣной,
 Поднялись высоко волны.
 Вѣтромъ дѣву закачало,
 Било волнами дѣвицу,
 Закачало въ синемъ морѣ,
 На волнахъ, съ вершины бѣлой.
 Вѣтеръ плодъ надулъ дѣвицѣ,
 Полноту дало ей море.

И носила въ тяжкомъ чревѣ
 Полноту свою со скорбью
 Семьсотъ лѣтъ въ себѣ дѣвица,
 Девять жизней человѣка,—
 А дитя все не рождалось,
 Не созданное не вышло.

Мать воды, она металась
 То къ востоку, то на западъ,
 То на югъ, а то на сѣверъ,
 И ко всѣмъ странамъ небеснымъ:
 Все страдала страшной болью
 Съ полнотою въ тяжкомъ чревѣ—
 А дитя все не рождалось,
 Не созданное не вышло.

Тихо стала дѣва плакать,
 Говорить слова такія:
 «Горе днямъ моимъ несчастнымъ,
 «Мнѣ, скиталицѣ, бѣдняжкѣ!
 «Я чего теперь достигла,
 «Что изъ воздуха я вышла,
 «Что меня гоняетъ буря,
 «Что волна меня качаетъ
 «На морской водѣ обширной,
 «На равнинахъ водъ широкихъ.

«Мнѣ-бъ гораздо лучше было
 «Быть воздушною дѣвицей,
 «Чѣмъ теперь въ волнистомъ морѣ
 «Плавать дѣвой водяною;
 «Только холодъ въ здѣшней жизни,
 «Безпокойно здѣсь движенье;
 «На волнахъ я здѣсь тоскую,
 «По водамъ я здѣсь блуждаю.

«О ты Укко ¹⁾, богъ высокій!
 «Ты, всего носитель неба!
 «Ты сойди сюда скорѣ,
 «Поспѣшай, къ тебѣ зываю.
 «Ты избавь отъ болей дѣву,
 «И жену отъ муки чрева!
 «Поспѣшай, иди скорѣ,
 «Поскорѣй, я такъ нуждаюсь!»

Мало времени проходить,
 Протекло едва мгновенье —
 Вотъ красиво мчится утка,
 Воздухъ крыльями колышетъ,
 Для гнѣзда мѣстечка ищетъ,
 Ищетъ мѣста для жилища.

Мчится къ западу, къ востоку.
 Мчится къ югу и на сѣверь,
 И найти не можетъ мѣста,
 Ни малѣйшаго мѣстечка,
 Гдѣ гнѣздо могла бы сдѣлать
 И жилище приготовить.

Полетала, осмотрѣлась,
 Призадумалась, сказала:
 «Коль на вѣтрѣ домъ поставлю.
 «На волнахъ мое жилище—
 «То разрушить домъ мой вѣтеръ.
 «Унесутъ жилище волны».

Мать воды то услышала,
 Мать воды, творенья дѣва,
 Подняла изъ волнъ колѣно,
 Подняла плечо изъ моря,
 Чтобъ гнѣздо могла свить утка
 И жилище приготовить.

Утка, славная та птица,
 Полетала, осмотрѣлась,
 Увидала то колѣно
 На волнахъ, на синемъ морѣ,
 Приняла его за кочку
 И сочла за дернъ зеленый.

¹⁾ Укко—богъ видимаго неба; укко—громъ, старецъ, дѣдъ.

Полетала, осмотрѣлась,
На колѣно то слетѣла,
И гвѣздо себѣ готовить,
Сносить яйца золотыя:
Шесть яицъ, всѣ золотыя,
А седьмое изъ желѣза.

Вотъ насѣдкой сѣла утка,
Грѣетъ выпуклость колѣна;
День, другой, сидитъ насѣдкой.
Третій день сидитъ насѣдкой.
Мать воды вдругъ замѣчаетъ,
Мать воды, творенья дѣва,
Замѣчаетъ, что согрѣлась
Ея кожа, разгорѣлось,
Словно въ пламени, колѣно,
И всѣ жилы растопились.

Сильно двигаетъ колѣномъ,
Члены сильно потрясаетъ:
Въ воду яйца всѣ упали,
Въ волны моря покатались,
На куски разбились въ морѣ
И обломками распались.

Не погибли яйца въ тинѣ,
И куски во влагѣ моря,
Но прекрасно измѣнились,
Превратились всѣ обломки:
Изъ яйца, изъ нижней части,
Вышла мать-земля сырая;
Изъ яйца, изъ верхней части,
Сталь высокій сводъ небесный;
Изъ желтка, изъ верхней части,
Солнце свѣтлое явилось;
Изъ бѣлка, изъ верхней части,
Ясный мѣсяцъ появился;
Изъ яйца, изъ пестрой части,
Звѣзды сдѣлались на небѣ;
Изъ яйца, изъ темной части,
Тучи въ воздухѣ явились.

И впередъ уходитъ время,
Годъ бѣжитъ впередъ за годомъ

При сіяньи кномъ солнца
 Съ блескомъ мѣсяца младого.
 Мать воды плыветъ по морю,
 Мать воды, творенья дѣва,
 По водамъ, дремотой полнымъ,
 По волнамъ морскимъ туманнымъ;
 И подъ ней простерлись воды,
 А надъ ней сіяетъ небо.

Наконецъ, въ году девятомъ,
 На десятое ужъ лѣто,
 Подняла главу изъ моря
 И чело изъ водъ обширныхъ.
 Начала творить творенья,
 Создавать созданья стала
 На хребтѣ прозрачномъ моря,
 На равнинахъ водъ открытыхъ.

Только руку простирала—
 Воздвигала тотчасъ мысы;
 Гдѣ ногою становилась—
 Вырывала рыбаць ямы;
 Гдѣ же вовсе погружалась—
 Глуби глубже становились.

Гдѣ земли касалась бокомъ—
 Ровный берегъ тамъ являлся;
 Гдѣ земли ногой касалась—
 Тамъ лососи тони стали;
 Гдѣ главою приближалась—
 Бухты малыя являлись.

Отплыла отъ суши дальше.
 На волнахъ остановилась—
 Созидала скалы въ морѣ
 И подводные утесы,
 Чтобъ суда тамъ разбивались.
 Чтобы люди погибали.

Ужъ утесы создалися,
 Скалы въ морѣ основались,
 Ужъ столбы вѣтровъ воздвиглись,
 Создалися словомъ страны,
 Ярko камни запестрѣли,
 И наморщились утесы—

Только вѣчный пѣснопѣвецъ
Вейнемейненъ не родился.

Старый вѣрный Вейнемейненъ
Въ чревѣ матери блуждаетъ,
Тридцать лѣтъ онъ тамъ проводить.
Зимъ проводить ровно столько-жъ,
На водахъ дремотой полныхъ,
На волнахъ морскихъ туманныхъ.
Онъ подумаль, поразмыслиль:
Какъ-же быть, и что-же дѣлать
На пространствѣ вѣчно темномъ,
Въ неудобномъ тѣсномъ мѣстѣ,
Гдѣ свѣтъ солнца не бываетъ,
Свѣта мѣсяца не видно?

Онъ сказалъ слова такія
И такія молвилъ рѣчи:
«Мѣсяць, солнце! унесите,
«Ты, Медвѣдица на небѣ,
«Изъ дверей, мнѣ незнакомыхъ.
«Изъ затворовъ непривычныхъ,
«Изъ гнѣзда меня отсюда,
«Изъ столь тѣснаго жилища!
«Дайте вы свободу мужу,
«Вы дитяти дайте волю,
«Чтобы видѣть свѣтлый мѣсяць.
«Любоваться мнѣ на солнце,
«Предъ Медвѣдицей склониться,
«Поглядѣть бы мнѣ на звѣзды!

Не давалъ свободы мѣсяць,
И не выпустило солнце:
Стало жить ему тамъ тяжело,
Стала жизнь ему противна.
Тронулъ крѣпости ворота,
Ломить пальцемъ безымяннымъ;
Костяной замокъ ломаетъ
Онъ ногою лѣвой, пальцемъ;
На рукахъ ползетъ къ порогу,
На колѣняхъ черезъ сѣни.

Въ море синее упалъ онъ,
Уперся ногами въ волны.

Такъ остался мужъ на морѣ,
 Богатырь на влажныхъ волнахъ.
 Онъ пять лѣтъ носился въ морѣ,
 Онъ пять лѣтъ и шесть качался,
 И еще семь лѣтъ и восемь;
 Наконецъ, плыветь на берегъ,
 Держить къ сушѣ безъ деревьевъ
 И на косу безъ названья
 На колѣняхъ проползаетъ,
 Опирается руками;
 Поднялся, чтобъ видѣть мѣсяцъ,
 Любоваться бы на солнце,
 Предъ Медвѣдицей склониться,
 Поглядѣть ему на звѣзды.
 Такъ родился Вейнемейненъ,
 Этотъ мощный пѣснопѣвецъ;
 Дочь творенья, дѣва Каве,
 Мать была его родная.

РУНА ВТОРАЯ.

Вотъ поднялся Вейнемейненъ,
 Сталъ ногами на побережье,
 На омытый моремъ островъ,
 На равнину безъ деревьевъ.
 Много лѣтъ затѣмъ онъ прожилъ,
 Безпрерывно жилъ онъ дальше
 Въ краѣ острова пѣмого,
 На равнинѣ безъ деревьевъ.
 Онъ подумалъ, поразмыслилъ,
 Въ головѣ держалъ онъ долго:
 Кто ему засѣетъ землю,
 Кто разсыпать можетъ сѣмя?
 Пеллервойненъ ¹⁾, сынъ поляны,
 Это Сампса ¹⁾, стройный мальчикъ,

¹⁾ Пеллервойненъ — сѣятель; отъ pelto — поле. Онъ же и Сампса: имя близкое къ Сампсону.